

ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ ГОСУДАРСТВ: ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ ФАКТОРЫ КОНСОЛИДАЦИИ

М.В. Ильин, Е.Ю. Мелешкина, А.Ю. Мельвиль

Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ “Факторы международного признания и внутренней легитимация в формировании новых государств”, проект № 09-03-00672а.

Ключевые слова: формирование государств, новые государства, международное признание, самопровозглашенные политии.

Формирование нации и государства является одной из центральных исследовательских проблем мировой политической науки. В нынешних условиях данная научная проблема приобретает особую актуальность. Недавние события – признание Косово рядом членов ООН, военный конфликт в Южной Осетии, признание Россией, Никарагуа, Венесуэлой, а теперь и Науру, независимости Абхазии и Южной Осетии – вызывают необходимость обратиться к проблемам формирования наций и государств, в том числе на территориях с особым государственным статусом, и влияния на это процесс как международного признания, так и внутренней легитимации.

Рассмотрению данного круга вопросов будет предпослано весьма обширное теоретико-методологическое введение. Оно необходимо для того, чтобы прояснить возможные подходы в анализу проблемы внешнего признания и внутренней легитимации самопровозглашенных политий, которые начинают фактически вписываться в координатную сетку мировой политики, ячейки которой образуют суверенные территориальные государства.

26

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВ

Большинство исследователей, изучающих формирование государств и наций, фокусирует свое внимание преимущественно на внутренних факторах этих процессов, связанных с возникновением и развитием структур государственной власти, конструированием и функционированием идентичности и проч. Влияние включенности в международную систему, внешнего признания, как правило, не рассматривается или рассматривается крайне поверхностно. Что же касается проблемы соотношения внешних и внутренних переменных процессов формирования государств и наций, то она фактически не получила должной разработки ни в отечественной, ни в мировой науке.

Подобное положение требует исправления – особенно с учетом того, что государства и возникают, и функционируют лишь *в составе объединяющих их международных систем*. Условием возникновения и функционирования суверенных государств является не только монополизация власти в рамках отчетливо очерченной территории, но и признание права на подобную монополию со стороны аналогичных монополистов за пределами их территории и со стороны различных политических акторов внутри их территории.

ИЛЬИН Михаил Васильевич, доктор политических наук, профессор, зав.кафедрой сравнительной политологии МГИМО(У) МИД России; МЕЛЕШКИНА Елена Юрьевна, кандидат политических наук, зав.отделом ИНИОН РАН; МЕЛЬВИЛЬ Андрей Юрьевич, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки России, профессор ГУ-ВШЭ. Для связи с авторами: ilyin@politstudies.ru

Чарльз Тили, один из зачинателей традиции изучения государственного строительства, прямо отмечал, что международные системы выступают в качестве фактора формирования и развития государств: “Возможно, Вестфальский мир (1648) в конце Тридцатилетней войны впервые ясно показал, что всей Европе предстоит разделение на четко выделенные (*distinct*) и суверенные государства, чьи границы определены международными соглашениями. В последующие три столетия европейцы и их потомки смогли распространить подобную систему государств на весь мир. Недавняя волна деколонизации почти завершила территориальное размежевание (*mapping*) планеты в виде подобной системы” [Tilly 1975: 45]. По его мнению, недостатком исследований государственного строительства является дефицит внимания к международным факторам: “Большинство существующих объяснений не срабатывают (*fail*), поскольку игнорируют тот факт, что различные типы государств стали действительными на различных этапах европейской истории, а также, поскольку они связывают (*locate*) объяснение разнообразия государств (*state-to-state variation*) скорее с индивидуальными характеристиками государств, чем с отношениями между ними” [ibid.: 11].

Присоединение политий к международным системам, как показал Тилли, не просто оборачивается их признанием другими суверенами. Оно воздействует как на процессы государственного строительства в новых членах международных систем, так и на трансформацию старых, поскольку “заполнение (*filling-in*) системы государств существенно ограничивало более поздних участников государственного строительства” [ibid.: 46]. Иными словами, то, когда и как та или иная полития вступила в сообщество государств, какое место в нем заняла, какие образцы были предложены или даже навязаны международной системой, все это существенным образом сказывается на государственном строительстве.

Разумеется, было бы неточным и несправедливым не признать того, что взаимосвязь внешних и внутренних факторов государственного строительства разрабатывалась в мировой политической науке. Достаточно назвать имена Б.Мура, К.Дойча, Р.Бендикса, С.Роккана, Ч.Тилли, Х.Спрюйта, Дж.Стрэйера и других блестящих ученых. В работах этих авторов было высказано и апробировано немало идей, имеющих большую концептуальную значимость. Некоторые из этих авторов отмечают важность учета влияния внешней среды и ее взаимодействия с внутренней. В частности, Х.Спрюйт показал, что возможность суверенных правителей структурировать свою деятельность на международной арене, признавать в качестве легитимных акторов схожие политические образования сыграли большую роль в победе государства как территориальной формы организации власти.

Значительное внимание в мировой науке уделялось и роли различного рода механизмов и институтов, обеспечивающих внутреннюю легитимацию. Такие исследователи, как С.Роккан, С.Бартолини, Д.Карамани основной акцент в своих работах делали на изучение внутренней структуры государства и его тела – нации, которая обеспечивала внутреннюю легитимацию.

Особенно перспективной в данном отношении является развитие С.Рокканом, его коллегами и последователями концепции известного экономиста Альфреда Хиршмана, описывающей стратегии индивидуального поведения в отношении формальных правил в неблагоприятных условиях: “лояльность” (правилам), “голос” (стремление опротестовать и изменить пра-

вила) и “выход” (невыполнение невыгодного правила). Хиршман рассматривает “выход” и “голос” как альтернативные варианты выражения недовольства людей, реализующиеся в зависимости от возможностей, предоставляемых организацией, в которой эти люди находятся [Hirschman 1970]. В его интерпретации “недостаточная государственность” (*statelessness*) — это “атрофия голоса” (*atrophy of voice*), возникающая в результате присутствия возможностей для “выхода”. То есть недостаточная государственность определяется как отсутствие институциональных каналов “голоса”, которые не развиваются по причине возможностей “выхода” для членов сообщества.

В качестве макросистемных двойников “голоса”, “лояльности” и “выхода” Роккан и его коллеги использовали понятия “политического структурирования”, “строительства системы” и “границ”. Применение концепции Хиршмана позволило Роккану объяснить роль взаимодействия между центром и перифериями, между различными центрами в процессе формирования территориальных государств и наций, а также выявить модели этого явления, разнообразие которых нашло свое систематическое отражение в концептуальной карте Европы. Концептуальная карта показывала, что строительство центра формирующегося государства и его нового порядка обусловлено эффектом существующих границ и предоставляемых ими возможностей “выхода”, что внутреннее институциональное строительство и консолидация сообщества связаны со стратегией строительства границ и возможностями “выхода”, создаваемыми успешностью этой стратегии и международным порядком. Различные варианты “выхода” были характерны для разных периодов формирования государства. Например, для ранних этапов была характерна сецессия: многие территориальные государства на стадии формирования были подвержены угрозе распада [Finer 1974: 79-126].

Соотношение “выхода” или “голоса” связано с формированием границ государства. Границы определяют конфигурацию акторов и публичных ресурсов (т.е. обязательных для потребления), “закрытых” на определенной территории. В ситуации “закрытости” возможности для выхода отсутствуют, что толкает акторов на укрывательство ресурсов, которыми они временно обладают, или реализацию “голоса”. Контроль над “выходом” и “входом” посредством образования границ предполагает наличие иерархии в организации, сообществе или государстве. Обычно с закрытием границ возрастают возможности политического контроля. Компетенция, досягаемость и сложность внутренней иерархии зависят от ограничений, которые предполагает строительство границ и контроль над “выходом”.

Контроль над границами и сокращение возможностей “выхода” акторов генерируют процесс возрастания политического производства, запускают механизмы легитимации центральной иерархии и структурирования политики, способствуют более эффективному выполнению специализированных функций политической иерархии [Bartolini 2005: 29]. Чем выше контроль над границами, тем больше возможностей у иерархических структур стабилизировать и легитимировать свои доминирующие позиции, и наоборот.

Представители роккановской традиции выявили зависимость внутреннего структурирования политики и соответственно формирования нации от специфики консолидации центра и границ различного характера (политических, экономических, социальных и культурных), проанализировав не только тер-

риториальный, но и социокультурный (членства) аспекты этого процесса [см. напр. Rokkan 1987]. Последнее обстоятельство предполагало, что принадлежность акторов к политическому сообществу и возможность “выхода” за его пределы определяется контролем центра не только за территориальными, но и социокультурными границами, определяемыми социокультурными нормами и правилами членства. Это означало, что “выход” может быть различным: территориальный (сецессия и проч.) и функциональный или членский (эмиграция, отказ от уплаты налогов, службы в армии и проч.) [Finer 1974: 82]. Так, по мнению Даниэля Карамани, “функциональный ‘выход’ (эмиграция) замещает территориальный ‘выход’ (сецессию), когда контроль над территорией и границами, как и степень национальной интеграции, возрастают до такой степени, что географический сепаратизм становится немыслимым” [Caramani 2004: 25].

Степень контроля над границами во многом определяет и возможности развития не только национального государства, но и демократических институтов, являющихся результатом исторического компромисса политических акторов и баланса их контроля над ресурсами. Бартолини выделяет две идеалтипические ситуации, показывающие возможные последствия полного совпадения и “закрытия” границ или отсутствия такового. Полное “закрытие” границ влечет за собой усиление контроля центра над различными перифериями и акторами. Такая ситуация требует значительной концентрации ресурсов, неизбежно влечет за собой создание неравных условий для политических субъектов и благоприятствует доминированию одного из них. Заметное несовпадение и неопределенность границ усиливает возможности “выхода”, снижает стимулы к структурированию каналов “голоса”, ограничивает сферу политического производства центра и делает государство зависимым от отдельных групп интересов (например, крупных экономических игроков — выгодных налогоплательщиков) [Bartolini 2005].

Представители роккановского подхода также убедительно показали наличие тесной связи между процессом консолидации границ, внешним международным признанием государства и внутривнутриполитическим развитием [ibidem]. Международное признание способствует укреплению государственного суверенитета, консолидации центра и границ политики, в частности путем накладывания общей правовой, политической и тому подобных рамок. Это в свою очередь способствует политической и правовой стандартизации и внутреннему политическому структурированию страны.

Выявление совокупного воздействия и взаимного влияния внешних и внутренних факторов государственного строительства представляется важным не только для объяснения процессов формирования государств, давно существующих как самостоятельные и признанные международным сообществом единицы. Эта задача особенно актуальна для понимания перспектив политического развития территориальных политий, которые только возникли и пытаются решать проблемы государственного и национального строительства в условиях меняющейся конфигурации пост-биполярной международной системы.

Политические события последних десятилетий свидетельствуют о том, что принципы и практика традиционной системы взаимных признаний и гарантий, часто и не вполне точно называемой Вестфальской, вступили в противоречие друг с другом и более не отвечают вызовам времени. По сути, поставленной

под вопрос оказалась та структура международной политики и международных отношений, логика которой во многом обуславливалась доминирующей ролью государств-лидеров модернизации, отличающихся исторически обусловленными особыми типами организации национальных политий, возникшими в Западной Европе и Северной Америке. Эффективность международных норм, в частности, сложившаяся на европейской почве трактовка принципов суверенных прав и территориальной целостности государств, национального самоопределения народов, прав человека и гражданина, а также универсальная пригодность механизмов их внедрения и поддержания, специфика которых во многом объяснялась этими типами, становится все менее и менее очевидной. Иными словами механизмы нынешней международной структуры взаимного признания и гарантий государств и связанные с ней системы норм международного права и механизмы урегулирования конфликтов, которые играли роль дополнительных стимулов государственного строительства, — не могут ныне рассматриваться как действенный фактор, оказывающий исключительно благоприятное влияние на строительство государств и наций. Соответствующие вызовы особенно ощутимы в тех политиях, которые возникли на территориях бывших имперских образований и отличаются слабым опытом самостоятельной организации государственной власти, неконсолидированностью границ и неопределенностью нынешнего внешнего статуса.

Подобные изменения актуализируют исследовательские вопросы, связанные с природой изменений международных систем, возможностью появления новых норм и механизмов взаимных признаний и гарантий и их влияния на решение проблем формирования новых государств и наций. В то же время значение международного признания и внутренней легитимации для становления недавно появившихся непризнанных или частично признанных государств исследовалось слабо. Недостаточно проясненным с концептуальной точки зрения остается вопрос о том, какие новые вызовы для этих политий в плане государственного строительства влечет за собой изменение конфигурации международной системы.

УРОВНИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ПОТЕНЦИАЛ МЕЖДУНАРОДНОГО ВЛИЯНИЯ

Выше было показано, что в настоящее время происходят серьезные подвижки в том, что касается всей совокупности международных факторов в широком смысле слова, так или иначе оказывающих влияние на положение государств в мировой “координатной сетке”. И это относится не только к формальному признанию тех или иных государств в качестве суверенных членов общепризнанного “мирового клуба” (т.е. ООН), но и к их реальному местоположению в мировой структуре (в значительной мере обусловленному имеющимися в их распоряжении совокупными ресурсами). Таковые ресурсы, разумеется, могут быть весьма разнопорядковыми — и экономическими, и военными, и политическими (дипломатическими, в том числе), и ресурсами “мягкой силы”, и пр. Собственно говоря, речь идет о потенциале международного влияния, которым то или иное государство в состоянии воспользоваться для продвижения собственных интересов в отношениях с другими государствами.

Потенциал международного влияния — это совокупность ресурсов, которыми располагает государство для оказания прямого и непрямого, военно-

политического, дипломатического, экономического, финансового, технологического, культурно-информационного и иного воздействия на другие государства и международную среду в целом в своих целях и интересах. Несомненно, наличие ресурсов и эффективность их использования — не одно и то же. Связь между ресурсами и потенциалом влияния не является однозначной. Имеющиеся ресурсы могут быть использованы не в полной мере, они могут быть использованы неэффективно или привести к нежелательным результатам. С другой стороны, недостаток ресурсов в определенных ситуациях может быть успешно компенсирован умелой дипломатией и нетривиальными политическими решениями.

Эффективность действий государства на международной арене во многом зависит от наличных ресурсов влияния, но также не связана с ними напрямую. Оценка эффективности складывается из комплекса критериев, включая: степень достижения поставленных стратегических целей; успешность реагирования на форс-мажорные ситуации; ресурсоемкость внешнеполитических действий в сравнении с достигаемыми результатами; соразмерность внешнеполитических усилий и их результатов; приемлемость складывающейся в результате предпринятых действий ситуации для руководства страны и др. [см. Мельвиль, Ильин и др. 2009].

Другое немаловажное обстоятельство, которое важно принимать во внимание при рассмотрении обозначенного круга вопросов, это совершенно реальные различия в самом качестве государств и государственности. Причем, речь идет не только о качестве государственных институтов (тема, которой в последнее время в научной литературе обоснованно уделяется значительное внимание), но и об уровне реальной, а не формальной, суверенности, независимости и самостоятельности в определении своей внутренней и внешней политики. Это также и различия в способности государств обеспечить эффективное функционирование и воспроизводство политических, экономических, социальных и иных институтов, выполнять свои функции в отношении собственного населения и др.

Не только в обыденном, но и в научном дискурсе, когда говорят о государствах, обычно имеют в виду некие однопорядковые явления, как если бы все образования, обозначаемые этим понятием, принадлежали к одному и тому же классу. В каких-то отношениях это, конечно, так: под “современным государством” мы подразумеваем члена ООН, обладающего признаваемым другими членами этого мирового клуба суверенитетом — как внутренним, так и внешним [см. напр. Krasner 1999]. Именно к этому критерию обращаются для введения и использования другого понятия — непризнанные государства. Однако, если только чуть взглядеться, становится очевидным, что под общим “зонтиком” современных государств располагаются весьма разные образования, сильно отличающиеся друг от друга по многим параметрам.

Самого беглого взгляда на современный мир достаточно, чтобы убедиться, что его основные структурные единицы — территориальные государства — существенно отличаются не только по своим размерам, географическому положению, мощи и месту в мировом сообществе, но также тем, что живут по различным логикам и зачастую существенно отличаются друг от друга по своей природе. Составляющие координатную сеть мировой политики тер-

риториальные государства являются признанными, суверенными членами мирового сообщества и привычно именуются *государствами*. Однако лишь часть из них являются государствами в строгом смысле, или “государствами-состояниями” (англ. *the state*, нем. *die Staat*, франц. *l'état* и др.).

Типологически можно выделить три идеальных типа исходного формирования территориальных государств: 1) династическое образование “сверху”, 2) консоциативное “снизу” и 3) корпоративно-сословное “сбоку”. В реальных исторических образованиях происходит соединение всех трех типов, однако в ряде случаев некоторые из них получают преимущественное развитие: первый — во Франции и ряде германских политий, второй — в Швейцарии и Нидерландах, третий — в ряде германских и скандинавских политий. Некоторые политии — Англия, Швеция, ряд североитальянских политий — представляют собой примеры сочетания или смены различных типов. В результате уже ранний Модерн (конец Средневековья) дает большое разнообразие типов территориальных государств. Последующие этапы модернизации создают новые типы и модификации государственности, “природы” которых существенно отличаются друг от друга.

Новые этапы модернизации, связанные с ними поколения международных систем и внутривнутриполитические новации привели к поэтапному расширению видов и типов политий, входящих в мировой “клуб” суверенов. Важными рубежами стали начало XIX столетия, вторая половина XIX в., а затем уже в XX в. три (или четыре) волны институционального строительства, разделяемые мировыми войнами, завершением холодной войны и распадом биполярной системы на рубеже 1980-х — 1990-х годов.

В настоящее время в мире наряду с собственно государствами-состояниями существуют иные типы политий, выступающие в виде функциональных эквивалентов государств-состояний. Едва ли не большинство суверенных членов мирового сообщества составляют функциональные эквиваленты государств, которые усваивают, имитируют или симулируют различные черты современной государственности. Данные политии были признаны в качестве государств, поскольку логика сменявших друг друга международных систем настоятельно требовала закрепления территорий, вовлеченных в европейскую, международную, а затем и мировую политику, за суверенами как единственным возможным и законным типом политических акторов. Каждая новая система при своем расширении (колонизация) или внутреннем усложнении (деколонизация) вовлекала все новых политических акторов, заставляя их принимать общие правила суверенитета и нормы международного права. Тем самым создавалась эволюционная, структурная и субстанциональная чересполосица форм и типов государственности.

Оказавшиеся в одном “клубе” членов ООН политии принадлежат к различным видам и типам или же поколениям (ранним, относительно зрелым, очевидно зрелым и т.п.), что затрудняет универсальные сравнения. В то же время длительное сосуществование и партнерство в “клубах” различных поколений международных систем (например, Европейский концерт, Лига Наций), а также связанное с этим более или менее систематическое и продолжительное воздействие внешних факторов на отдельные политии способствовало возникновению (имитации, симуляции и т.п.) и закреплению некоторых общих институциональных признаков. Данное обстоятельство облегчает универсальное сравнение. При этом

лучше интегрированные в международные системы “долгожители” оказываются относительно более “сравнимыми”, чем “новички”, у которых “комплекс уникальности” проявляется резче и прямолинейнее.

Если под *уровнями государственности* понимать измеряемые и сравнимые между собой параметры, характеризующие способности того или иного государства поддерживать свое собственное существование, обеспечивать самостоятельное развитие, решать встающие перед ним внутренние и международные задачи, т.е. использовать свои прерогативы суверена, можно сопоставить между собой все те разнородные политико-территориальные образования, которые располагаются под общим “зонтичным” понятием “современные государства”. Для этих целей может, в частности, использоваться индекс государственности, разработанный в рамках исследовательского проекта “Политический атлас современности” [Политический атлас современности 2007].

Все сравниваемые между собой государства (члены ООН) формально равны и суверенны, однако степень их фактической самостоятельности и способности поддерживать свое существование различна. Одни государства (их не так уж много) в полном смысле независимы и самостоятельны в своей внутренней и внешней политике. Другие при осуществлении своих суверенных полномочий зависят скорее от иных государств и международного сообщества, нежели от собственных политических, экономических и прочих ресурсов. Они не в состоянии сколько-нибудь самостоятельно отвечать на внутренние и внешние вызовы. Иначе говоря, далеко не все формально независимые и признанные в этом качестве государства являются фактически самостоятельными во внутренней и внешней политике, т.е. не все государства используют свои прерогативы суверена.

Соответственно, индекс государственности указывает на степень успешности, управляемости, состоятельности и эффективности государств. Он является инструментом определения качества существования и способности самостоятельно развиваться, решать внутренние и внешние проблемы государств-членов ООН как политико-экономических субъектов, позволяющим ранжировать страны в пределах двух полюсов — “успешные государства” и “несостоятельные государства”. В данном индексе объединены переменные, которые 1) являются наиболее универсальными (иначе говоря, характеризуют подавляющее большинство стран), 2) имеют количественное и/или в достаточной мере объективное качественное выражение и 3) касаются принципиально важных аспектов существования любого государства. Следует отметить, что некоторые из этих переменных сами по себе характеризуют качество государственности косвенно. Однако в совокупности они дают достаточно объективное представление о качестве государственности систематически сравниваемых объектов.

Среди переменных индекса государственности особо выделим: (1) долю внешней помощи в ВВП государства; (2) влияние внутренних конфликтов на стабильность режима; (3) время существования суверенной государственности; (4) внутренние конфликты: наличие и масштабы жертв; (5) соотношение заявок на патенты резидентов и нерезидентов; (6) территориальное выражение внутренних конфликтов; (7) наличие на территории страны иностранных военных контингентов; (8) режим привязки национальной валюты; (9) доля доминирующего этноса в структуре населения страны. Можно (и, конечно, следует) дискутировать

об оптимальном наборе переменных, которые характеризовали бы уровни государственности, однако осуществленный эксперимент с использованием именно указанных параметров позволяет сделать ряд немаловажных выводов.

Проведенный анализ противопоставляет, прежде всего, *“лидеров государственности”* и *“неудачников”* в деле государственного строительства. Последние — не обязательно *“неудавшиеся государственности”* (*failed states*), но такие, у которых серьезные проблемы и трудности с выбором и осуществлением самостоятельной стратегии национального развития. Это в значительной мере зависимые и управляемые извне государства. Показательно, что за редкими исключениями (например, Китай, Египет, Иран и др.), *“лидеры государственности” — это страны демократического выбора, относительно высокого качества жизни, низких угроз*. В современном мире *“степень государственности”* как правило прямо пропорциональна качеству жизни и обратно пропорциональна уровню внешних и внутренних угроз.

Большинство государств не являются ни *“лидерами”*, ни *“неудачниками”*. Их спектр чрезвычайно широк: от Монако на одном *“полюсе”* до Ирака — на другом. Здесь представлены чрезвычайно разнородные страны — и четко выраженные автократии (КНДР, Бахрейн, Зимбабве, Оман, ОАЭ и др.), и своего рода зависимые или не полностью самостоятельные страны, условно, *“демократического выбора”* (Сент-Китс и Невис, Панама, Фиджи, Словакия, Словения, Албания и др.), и просто слабые или несамостоятельные государства (Барбадос, Белиз, Сент-Люсия, Антигуа и Барбуда и др.).

Возникает закономерный вопрос: существует ли (и если да, то — какова) зависимость между уровнями государственности и потенциалом международного влияния соответствующих государств? В рамках проекта *“Политический атлас современности”* в этих целях был использован второй индекс — потенциала международного влияния, включающий в себя следующие переменные: (1) военные расходы; (2) доля голосов страны при принятии коллективных решений МВФ; (3) доля в мировом экспорте товаров и услуг; (4) доля в мировом ВВП; (5) наличие статуса постоянного члена СБ ООН; (6) членство страны в Парижском клубе стран-кредиторов; (7) наличие ядерного оружия; (8) наличие истребительной авиации 4-го и/или 5-го поколения; (9) наличие Нобелевских премий; (10) постоянное размещение за рубежом значительных военных контингентов; (11) доля взносов страны в регулярный бюджет ООН; (12) численность регулярной армии; (13) доля населения страны от общей численности населения мира.

Опять-таки, представленный набор переменных, характеризующих, как уже отмечалось выше, различные аспекты международного влияния (военно-технологические, экономические, политические и иные), подлежит в дальнейшем уточнению и оптимизации. Но уже и на этом этапе можно сделать ряд выводов, вытекающих из анализа соответствующего рейтинга всех современных государств.

Лидеры международного влияния вполне самоочевидны — это *США* с гигантским отрывом от всех других стран и *большинство стран “большой восьмерки”* (только места Канады и Италии занимают Китай и Индия). Далее следуют мировые лидеры *регионального* и, если угодно, *“отраслевого”* (например, финансового, политического и/или идеологического) влияния — Саудовская Аравия, КНДР, Турция, Республика Корея, Бразилия, Пакистан, Иран,

Мексика, Египет, Индонезия и др., с одной стороны, и Нидерланды, Бельгия, Швейцария и др. — с другой.

Зона минимального потенциала международного влияния (да и реально-го влияния вообще) не менее очевидна, ее “лидеры” — Тувалу, Науру, Монако, Лихтенштейн, Андорра, Палау, Микронезия, Маршалловы острова, Кирибати, Тонга и т.д. “Лилипуты влияния” составляют явное большинство стран мира. Вход в “клуб мирового влияния” очень ограничен, поэтому у абсолютного большинства стран мира возможности для этого минимальны. *Существенно влияют на ход мировых дел всего лишь ограниченное число стран*, остальные могут оказывать на них в той или иной степени частичное — региональное или “отраслевое” — воздействие.

Анализ также показывает, что *потенциал международного влияния (как и реальное влияние) связан, прежде всего, с уровнем государственности*. Это типологическая характеристика “стран влияния”, хотя, конечно, есть и страны с высоким уровнем государственности, но не обладающие существенным потенциалом международного влияния. При этом принадлежность к группе “стран влияния” достаточно трудно соотнести как с характеризующим их качеством жизни, так и с типом их политического устройства: среди них и демократии, и автократии. Таким образом, “полюс” стран со значительным потенциалом международного влияния — это *совершенно особый и малочисленный кластер стран, которые во многих других отношениях отличны друг от друга*.

Очевидно, что международное влияние — отнюдь не главный из приоритетов для множества (на самом деле — большинства!) государств. Но это, вместе с тем, крайне важный параметр оценки реального уровня государственности конкретной политики.

КОНСОЛИДАЦИЯ ПРОБЛЕМНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Попытка рассмотреть парадоксальные эффекты конфликта между приобретением статуса суверенных государств и неспособностью этот статус использовать была предпринята Робертом Джексоном и Карлом Росбергом еще в 1982 г. [Jackson, Rosberg 1982: 1-24] на основе изучения процессов деколонизации в Африке. Новые независимые страны Африки были включены в международную систему за счет полного признания и поддержки их суверенных прерогатив международным сообществом, но при этом сами не смогли обеспечить адекватное функционирование собственных государственных институтов. Их Джексон назвал квази-государствами (*quasi-states*) — членами международного сообщества с существенно ослабленной внутренней суверенностью или состоятельностью [Jackson 1987: 519-549; Jackson 1990].

Можно предположить, что феномен квази-государств и сходные примеры ослабления государств связаны со структурным рассогласованием между двумя аспектами государственности: “статусностью как принадлежностью к сообществу государств-состояний” (*statehood*) и “состоятельностью как соответствием своей собственной природе государства-состояния” (*stateness*) [см. Ильин 2008]. Подобная трактовка вполне оправдана. Она вытекает из концепции Джексона. Однако ее следовало бы дополнить важными структурными соображениями, касающимися не только государственности отдельных единиц мировой системы, но и самой конфигурации этой системы.

Уместно поставить следующие вопросы. Каковы общие причины возникновения непризнанных государств и особенности их внутриполитического развития? Есть ли связь между основными тенденциями формирования государств и наций на постсоветском пространстве и международным статусом соответствующих политий? Если да, то в чем она заключается? Каковы перспективы признания территорий с особым государственным статусом?

В мировой политической науке имеются работы, посвященные анализу механизмов функционирования и внутриполитическому развитию стран с проблемной государственностью. Это исследования К.Мацузаты, П.Колстё, С.Линдберга, Р.Дорффа, М.Бейсинджера и др. Однако в целом научной литературы по проблематике непризнанных и полупризнанных государств немного, причем имеющаяся, как правило, посвящена исследованию случаев по территориальному принципу (Африка, постсоветское пространство, постюгославское пространство). В ней не предпринимаются попытки выработать общетеоретические методологические подходы к изучению феномена этих политических образований.

Другое направление — исследование “замороженных конфликтов” в мировой ([Beissinger, Crawford 2002] — в этой работе термин “квази-государства” стал употребляться в отношении государств, не имеющих внешнего признания) и отечественной политологии [Проблемы... 2000]. Большинство работ анализирует отдельные казусы [см. напр. Колосов, О’Локлин 2008; Kolossov, O’Loughlin 1999; Абасов, Хачатрян 2004; Блиев 2006; Восстание... 2006; Гуськова 2006; Маркедонов 2006; Наджафов 2005; Политические процессы... 2006. Попов б.г.; Социально-политическая... 2001; Семиречный б.г.; Смирнов 2006]. Особо можно отметить докторскую диссертацию А.Большакова и соответствующую серию публикаций.

Обзор научной литературы и баз данных свидетельствует, что в настоящее время в мире насчитывается около десятка территориальных политий с оспариваемым статусом (непризнанных или полупризнанных государств). Еще около двух десятков территорий в большей или меньшей степени контролируются сецессионистскими, освободительными или повстанческими движениями, которые претендуют на свою легитимацию внутри соответствующих стран и за рубежом. Кроме того, еще несколько десятков территорий облают некоторым признаками государственности и ассоциированы с другими государствами столь нетривиальным образом, что это заставляет признавать их статус проблемным.

Некоторые из непризнанных или полупризнанных государств существуют в качестве проблемных территориальных образований довольно давно. Другие появились относительно недавно в связи с распадом больших многосоставных государств с элементами имперской организации типа СССР. Между тем, большинство этих политий объединяет наличие общих проблем поддержания порядка и безопасности, организации политической власти и структурирования политического сообщества на их территориях.

Во многом схожесть этих проблем объясняется тем, что данные политические образования лишь частично включены в международную систему взаимных признаний и гарантий. Неурегулированность международного статуса и связанное с этим отсутствие накладываемой извне нормативной рамки, неконсолидированность границ, особенно отчетливо проявляющаяся в недавно возникших политиях, осложняют процессы государственного строи-

тельства в них. И тем самым — ставят под вопрос их государственную состоятельность, способность обеспечить выполнение необходимых функций политического производства. Однако, несмотря на слабость политических и экономических структур, эти непризнанные “квази” или “*de facto* государства” существуют, пользуются поддержкой местного населения, ведут борьбу за легитимацию своего статуса.

Непризнанные (*unrecognized*) или самопровозглашенные (*self-proclaimed*) государства-состояния — это разные по своему характеру политики с предельно проблематизованными внешними аспектами суверенности и совершенно неопределенной статусностью. У них сильно выражен конфликт между собственным стремлением занять подобающее место в координатной сетке мировой политики, стать ее ячейкой (самопровозглашение) и нежеланием достаточно влиятельных участников мирового сообщества согласиться с изменением конфигурации координатной сетки и соответствующими изменениями международных границ (непризнание).

Непризнанные и самопровозглашенные государства обладают самыми разными характеристиками. В настоящее время они в основном невелики по своей территории. Это объясняется скорее высокой степенью проработанности и интегрированности мировой координатной сетки. Вместе с тем, всего полвека назад место крупнейшего мега-государства КНР в ООН занимала Китайская республика, которая ныне превратилась в непризнанное государство Тайвань.

Класс непризнанных и самопровозглашенных государств отличается набором характерных групповых “семейных сходств”. К их числу относятся гипертрофированная концентрация усилий на обеспечении безопасности, а также ограниченные возможности по включению в сети экономики, безопасности и коммуникаций будь они имперского или меньшего размера.

Важнейшей функцией непризнанных и самопровозглашенных государств является диагностирование сбоев в функционировании координатной сетки. В случаях, когда соответствующие политики оказались способны обеспечить минимально достаточный уровень политического и правового порядка, а также ресурсы его обеспечения, включая и высокий уровень его легитимации населением соответствующих территорий, процесс фактического признания начинает становиться фактом. Он заходит так далеко, как это позволяют с одной стороны необходимость включения соответствующей ячейки в мировую координатную сетку, а с другой — противодействие тех или иных акторов международной системы. Политика переходит в субгруппу *de facto* государств.

При этом не следует упускать из виду, что получивший дипломатическое и юридическое выражение отказ признавать *de facto* государство есть косвенное подтверждение вынужденного признания факта его существования и тем самым возможности его признать при изменении некоторых условий.

Можно выделить градации признания и варианты перехода от самопровозглашения к утверждению в качестве ячейки координатной сетки. Это следующие условные ступени:

- всеобщее, т.е. полное и всеобъемлющее признание всеми без исключения акторами международной системы;
- практическое признание (членство в ООН, признание рядом государств и отсутствие эксплицитного непризнания со стороны остальных);

— фактическое признание (установление формальных отношений с рядом государств, использование правовых ресурсов *de facto* государства в практических транзакциях);

— частичное признание (установление фактических отношений с рядом государств, неформальное использование политических ресурсов и общественных благ *de facto* государства в практических транзакциях);

— минимальное признание (получение поддержки хотя бы от одного или нескольких государств, которое препятствует ликвидации самопровозглашенного государства).

Важнейшим фактором не только признания, но и полномасштабного и полноценного обретения статусности, является развитие сначала самопровозглашенным, а затем и *de facto* государством своей состоятельности.

Как показывает общий обзор решения проблем признания государств в рамках ряда основных поколений международных систем [Ильин 2009], не существует некоего устойчивого алгоритма такого признания, неизменных нормативных принципов или критериев признания. Фактически характер, формы и степень признания существенно варьируются в зависимости от места самоопределяющейся политики в международной системе и ее связей с великими или крупными державами. В то же время существенную роль играет также консолидация государственной состоятельности нового государства, а в рамках более близких к нам поколений международных систем также и его поддержка собственным населением и общественностью других стран. Важно и то, на какой фазе консолидации развития самой международной системы ставится вопрос о признании — в период кризиса, на максимуме или на минимуме фазового тренда международной динамики. В конечном счете, все эти обстоятельства только до некоторой степени предопределяют условия признания. Само же признание в критической мере зависит от решительности, последовательности и упорства руководителей и граждан самоопределяющегося государства, от их способности сделать свою территориальную политику эффективной ячейкой всемирной координатной сетки государств.

Данные выводы носят предварительный, промежуточный характер. Фактически политическая наука только начинает движение от простой фиксации и интерпретации проблем новых территориальных политик, стремящихся утвердить свою государственность, к более основательному и систематическому анализу структурных проблем консолидации государств на нынешнем этапе развития мировой политики. Надеемся на заинтересованную реакцию коллег, на их критический отклик, который позволил бы продвинуть вперед изучение актуальной проблематики консолидации государственности в современных условиях.

Абасов А., Хачатрян А. 2004. *Карабахский конфликт. Варианты решения: идеи и реальность*. М.: Международные отношения.

Блиев М. 2006. Южная Осетия в коллизиях российско-грузинских отношений. М.: Европа.

Восстание меньшинств: Косово. Молдавия. Украина. Грузия. Курдистан. Сборник (сост. ИА REGNUM). 2006. М.: Европа.

Гуськова Е.Ю. 2006. Югокризис начал разрастаться с момента его интернационализации. — *Международная жизнь*, № 5.

Режим доступа: <http://www.guskova.ru/w/wars/2006-may>

Ильин М.В. 2008. Возможна ли универсальная типология государств? — *Политическая наука*, № 4.

Ильин М.В. 2009. Международное признание как фактор государственного строительства. — *Материалы V Конвента Российской ассоциации международных исследований “Мировая политика: взгляд из будущего”*, т. 18, Асимметрия мирового суверенитета: зоны проблемной государственности. М.: МГИМО.

Колосов В.А., О’Локлин Дж. 2008. Социально-территориальная динамика и этнические отношения на Северном Кавказе. — *Полис*, № 4.

Маркедонов С. 2006. Феномен Азербайджана. — *Международные процессы*, т. 4, январь — апрель. Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/tenth/013.htm>

Мельвиль А.Ю., Ильин М.В., Макаренко Б.И., Мелешкина Е.Ю., Миронюк М.Г., Сергеев В.М., Тимофеев И.Н. 2009. Российская внешняя политика глазами экспертного сообщества. — *Полис*, № 4.

Наджафов Э.Н. 2005. *Южный Кавказ: тернистый путь к безопасности*. М.: Научная книга.

Политические процессы в Центральной Азии. — *Политические системы и политические культуры Востока*. 2006. М.: Восток-Запад.

Политический атлас современности. 2007. *Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств* (отв. ред. А.Ю.Мельвиль). М.: МГИМО-Университет.

Попов Э. б.г. *Федеративная республика Грузия?* — Режим доступа: <http://www.fondsk.ru/article.php?id=1580&search=Абхазия>

Проблемы национального самоопределения на национальном этапе. 2000. М.: ИВ РАН, Центр стратегических и политических исследований.

Социально-политическая ситуация на Кавказе: история, современность, перспективы. 2001. М.: Институт политического и военного анализа.

Семиречный А. б.г. *Конфликт в Южной Осетии: современное состояние и перспективы урегулирования*. — Режим доступа: <http://www.apn.kz/publications/article409.htm>

Смирнов П. 2006. “Мерцающий режим” конфликтов самоопределения в Восточной Европе. — *Международные процессы*, т. 4, № 2 (11).

Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/elevnth/002.htm>

Bartolini S. 2005. *Restructuring Europe: Centre Formation, System Building, and Political Structuring Between the Nation State and the European Union*. N.Y.: Oxford University Press.

Beissinger M.R., Crawford Y. eds. 2002. *Beyond State Crisis? Postcolonial Africa and Post-Soviet Eurasia in Comparative Perspective*. Washington: John Hopkins University Press.

Caramani D. 2004. *The Nationalization of Politics: The Formation of National Electorates and Party Systems in Western Europe*. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press.

Finer S. 1974. State-building, State Boundaries and Border Control: An Essay on Certain Aspects of the First Phase of State-building in Western Europe Considered in the Light of the Rokkan-Hirschman Model. — *Social Science Information*, vol. 13.

Hirschman A.O. 1970. *Exit, voice, and loyalty: Response to decline in firms, organizations, and states*. Cambridge: Harvard University Press.

Jackson R.H. 1987. Quasi-states. Dual Regimes and Neoclassical Theory. — *International Organization*, vol. 41, № 4.

Jackson R.H. 1990. *Quasi-states: Sovereignty, International Relations and the Third World*. Cambridge: Cambridge University Press.

Jackson R.H., Rosberg C.G. 1982. Why Africa’s Weak States Persist: The Empirical and the Juridical in Statehood. — *World politics*, Princeton, vol. 35, № 1.

Kolossov V., O’Loughlin J. 1999. Pseudo-States as Harbingers of a New Geopolitics: The Example of the Transnistria Moldovan Republic. — *Boundaries, Territories and Post-modernity*. (Newmann D. ed.) L.: Frank Cass.

Krasner S.D. 1999. *Sovereignty: Organized Hypocrisy*. Princeton: Princeton University Press.

Rokkan S. 1987. The Center-periphery Polarity. — *Center-periphery Structures in Europe: an ISSC Workbook in Comparative Analysis*. Frankfurt a. M.: Campus.

Tilly Ch. 1975. Reflections on the History of European State-Making. — *Tilly Ch. (ed.) The Formation of National States in Western Europe*. Princeton: Princeton University Press.